

В стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Хороший заведен был почестный пир
На многие на князи да на бояра,
Да на сильны могучие богатыри.
Белый день иде ко вечеру,
Да почестный-от пир идет навеселе.
Хорошо государь распотешился
Да выходил на крылечко переное,
Зрел-смотрел во чисто поле.
Да из далеча-далеча поля чистого
Толпа мужиков да появлялася, -
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они князю, жалобу кладут:
«Да солнышко Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Да сегодня у нас на Сароге на реки
Да неведомые люди появились,
Да наехала дружина та Чурилова;
Шелковы неводы заметывали,
Да тетивки были семи шелков,
Да плутивца у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченные.
А рыбу сарогу повыловили;
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья.
Скажутся, называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,

Новая из поля появилась, -
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они челом, жалобу кладут:
«Да солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Сегодня у нас на тихих заводях
Да неведомые люди появлялися,
Гуся да лебедя да повыстреляли,
Серу пернату малу утицу;
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё они дружиною Чуриловою».

Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась,
– Идут мужики да все киевляна,
Бьют они челом, жалобу кладут:
«Солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Пленковича:
Да сегодня у нас во темных во лесах
Неведомые люди появились,
Шелковы тенета заметывали,
Кунок да лисок повыловили,
Черного сибирского соболя;
Нам, государь-свет, улову нет,
Да тебе, государь-свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё они дружиною Чуриловою».

Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась, -
А иде молодцов до пяти их сот,
Молодцы на конях одноличные,
Кони под нима да однокарие были,
Жеребцы всё латынские,
Узды, повода у них а сорочинские,
Седельшка были на золоте,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкого,
Славного покрою-то немецкого,
Да крепкого шитья-де ярославского.
Скобы, гвоздьё-де были на золоте.
Да кожаны на молодых лосиные,
Да кафтаны на молодцах голуб скурлат,
Да источниками подпоясанося,
Колпачки – золотые верхи.
Да молодцы на конях быв свечи-де горят,
А кони под нима быв соколы-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,
Да стали по Киеву уродствовати,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи те просят со княгинями,
Да бояра те просят со боярынями,
Да все мужики-огородники:
«Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича:

Да сегодня у нас во городе во Киеве
Да неведомые люди появились,
Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодлиц в соромы-де довели,
Красных девиц а опозорили».

Да говорил туто солнышко Владимир-князь:
«Да глупые вы князи да бояра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой поселичи,
Да я не знаю, Чурило где двором стоит».

Да говорят ему князи и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да мы знаем Чурилову поселичу,
Да мы знаем, Чурило где двором стоит.
Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурилы не за Киевом стоит,
Двор у Чурила на Потай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых,
Да около двора да всё булатный тын,
Да верей были всё точеные».

Да поднялся князь на Почай на реку,
Да со князьями-то поехал, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми.
Да будет князь на Почай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то кача, сам приговариват:
«Да, право, мне не пролгали мне».

Да двор у Чурила на Почай на реки,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых;
Да около двора все булатный тын,
Да верей те были всё точеные,
Воротика те всё были всё стекольчатые,
Подворотенки да дорог рыбий зуб.
Да на том дворе-де на Чуриловом
Да стояло теремов до семи до десяти.
Да во которых теремах Чурил сам живет, -
Да трой сени у Чурила-де косивчатые,
Трой сени у Чурила-де решетчатые,
Да трой сени у Чурила-де стекольчатые.
Да из тех-де из высоких из теремов
На ту ли на улицу падовую
Да выходил туто старьи матерый человек.
На старом шуба-то соболя была
Да под дорогим под зеленым под стаметом,
Да пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота.
Да кланяется, поклоняется
Да сам говорит и таково слово:
«Да свет государь ты Владимир-князь!
Да пожалуй-ка, Владимир, во высок терем,
Во высок терем хлеба кушати».
Да говорил Владимир таково слово:
«Да скажи-ка мне, старьи матёрый человек,
Да как тебя да именем зовут,
Хотя знал, у кого бы хлеба кушати?» –
«Да я Пленко да гость Сарожанин,
Да я ведь Чурилов-от есть батюшко».
Да пошел-де Владимир во высок терем,

Да в терем-от идет да все дивуется,
Да хорошо-де теремы да изукрашены были:
Пол-середа одного серебра,
Печки те были всё муравленые,
Да потики те были всё серебряные,
Да потолок у Чурила из черных соболей,
На стены сукна навиваны,
На сукна те стекла набиваны.
Да всё в терему-де по-небесному,
Да вся небесная луна-де принаведена была,
Ино всякие утехи несказанные.
Да пир-от идет о полупиру,
Да стол-от идет о полустоле;
Владимир-князь распотешился,
Да вскрыл он окошечка немножечко,
Да поглядел-де во далече чисто поле:
Да из далеча-далеча из чиста поля
Да толпа молодцов появилась,
Да еде молодцов а боле тысячи,
Да среди-то силы ездит купав молодец,
Да на молодце шуба-то соболья была,
Под дорогим под зеленым под стаметом,
Пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота,
Да по дороге яблоку свирскому.
Да еде молодец, да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакивает,
Из седла в седло перемахивает,
Через третьего да на четвертого,
Да вверх копьё побрасывает,
Из ручки в ручку подхватывает.
Да ехали-приехали на Почай на реку,

Да сила та ушла-де по своим теремам.
Да сказали Чурилы про незнаемых гостей,
Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары мугазенные,
Да брал он сорок сороков черных соболев,
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жалобщиков
Да побольше того-де челобитчиков, -
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».
Да говорил-де Владимир таково слово.
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да хошь ли идти ко мне во стольники,
Да во стольники ко мне, во чашники?»
Да иной от беды дак откупается,
А Чурило на беду и нарывается.
Да пошел ко Владимиру во стольники,
Да во стольники к нему, во чашники.
Приехали они ужо во Киев-град,
Да свет государь да Владимир-князь
На хороша да нового на стольника
Да завел государь-де почестный пир.
Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да ходит-де ставит дубовы столы,
Да желтыми кудрями сам потряхивает,
Да желтые кудри рассыпаются,
А быв скачен жемчуг раскатается.
Прекрасная княгиня та Апраксия
Да рушала мясо лебединое;
Смотрячись-де на красоту Чурилову,
Обрезала да руку белу правую,

Сама говорила таково слово:

«Да не дивуйте-ка вы, жены господские,
Да что обрезала я руку белу правую:
Да помешался у мня разум во буйной голове,
Да помутилися у мня-де очи ясные,
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да на его-то на кудри на желтые,
Да на его-де на перстни злаченые.
Помешался у мня разум во буйной голове,
Да помутились у меня да очи ясные».

Да сама говорила таково слово:

«Свет государь ты Владимир-князь!
Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу
Не на этой а ему службы быть, -
Да быть ему-де во постельниках,
Да стлати ковры да под нас мягкие».

Говорил Владимир таково слово:

«Да суди те Бог, княгиня, что в любовь ты мне пришла.
Да кабы ты, княгиня, не в любовь пришла, -
Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,
Что при всех ты господах обесчестила».
Да снял-де Чурилу с этой большины
Да поставил на большину на иную,
Да во ласковые зазыватели, -
Да ходить-де по городу по Киеву,
Да зазывати гостей во почестный пир.
Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович
Да улицми идет да переулками,
Да желтыми кудрями потряхивает,
А желтые те кудри рассыпаются.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да старицы по кельям онати они дерут,

А молодые молодницы в голенища
Красные девки отселья дерут.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгиня та Апраксия
Да еще говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить.
Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу
Да <не> на этой а ему службы быть, -
Да быти ему во постельниках,
Да стлати ковры под нас мягкие».
Да видит Владимир, что беда пришла,
Да говорил-де Чурилу таково слово:
«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!
Да больше в дом ты мне не надобно.
Да хоша в Киеве живи, да хоть домой поди».
Да поклон отдал Чурила, да и вон пошел.
Да вышел Чурило-то на Киев-град,
Да нанял Чурило там извозчика,
Да уехал Чурило на Почай на реку,
Да и стал жить-быть а век коротати.
Да мы со той поры Чурила в старинах скажем,
Да отныне сказать а будем до веку.
А й диди, диди, Дунай, боле вперед не знай!